

Любецкая В. В.

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Криворожский педагогический институт
ГВУЗ «Криворожский национальный университет»

ЭПИЧЕСКИЙ СТИЛЬ: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО (СТРОГОГО) ДО СВОБОДНОГО (СМЕШАННОГО)

У пропонованій статті розглядаються принципи раннього класичного (строного) епічного стилю, його становлення і розвиток, а також зародження пізнішого епічного стилю, названого О. Ф. Лосєвим вільним або змішаним. Визначається сутність епічного стилю на сучасному етапі, тобто з появою жанру роману. Відзначається живе переплетення суворого і вільного епічного стилю, що тяжіє до повного відображення життя, до об'єктивності, безпристрасності і спокою оповіді.

Ключові слова: *епос, епопея, роман, жанр, епічний стиль, манічна поезія, міметичне мистецтво.*

В предлагаемой статье рассматриваются принципы раннего классического (строгого) эпического стиля, его становление и развитие, а также зарождение позднейшего эпического стиля, названного А. Ф. Лосевым свободным или смешанным. Определяется сущность эпического стиля на современном этапе, то есть с появлением жанра романа. Отмечается живое переплетение строгого и свободного эпического стиля, тяготеющего к полному отображению жизни, к объективности, бесстрастности и спокойствию повествования.

Ключевые слова: *эпос, эпопея, роман, жанр, эпический стиль, маническая поэзия, миметическое искусство.*

This article discusses the principles of early classic (strict) epic style, its formation and development, as well as the origin of the later epic style called free or mixed by A. F. Losev. It is defined the essence of epic style at the present stage, with the emergence of the genre of the novel. It is celebrated living weaving of strict and free epic styles, gravitating to the full display of life, to the objectivity, detachment and calm narration.

Key words: *epic, epic poetry, novel, genre, epic style, mania poetry,*

mimetic art.

Гомеровские поэмы, «Илиада» и «Одиссея», создавались на основе давней и прочной традиции эпического стиля, который начал складываться еще тогда, когда эпос исполнялся певцами с музыкальным сопровождением, а затем оформился окончательно как стиль сказовый. Задолго до окончательного оформления гомеровских поэм сложился эпический стих (гекзаметр), а также определенная совокупность стилистических приемов: эпические повторения, сравнения, эпитеты. Поэтическая индивидуальность автора, как и его личное мировоззрение, исчезают за единым эпическим стилем. Единство стиля, его полная закругленность и всеобъемность, порождает и принципиальное видение единства мира, которое еще не может быть разделено на внешнее и внутреннее. Видение для Гомера едино, и такому зрению доступно все – сущность вещей и сущность бытия в целом. Гомеровская поэзия манична по своей сути: *«“Нетронутая целостность счастья” как маническое состояние – это такая полнота присутствия, которая равнозначна “пробыванию-в” истине речи»* [Домашенко 2007:261].

Так как речь зашла о манической и миметической поэзии, то следует остановиться на разграничении повествовательной и драматической поэзии в истории литературоведения, которое ведется от Платона и Аристотеля. Рассматривая поэтическое искусство исключительно в границах мимесиса, Аристотель в своей «Поэтике» разграничивает различные способы подражания: *«Поэзия, говорит Аристотель, выводит на свет определенный род сущего, но не непосредственно, а подражая, т.е. через другой род. Там, где такого вы-ведения одного рода через другой нет, там, очевидно, нет и поэзии»* [Домашенко 2007:203]. Платон же в своем диалоге «Государство» разделяет «подражание» и «простое повествование», и в соответствии с этим распределяет роды и виды

поэзии: «... один род поэзии и мифотворчества весь целиком складывается из подражания – это ... трагедия и комедия; другой род состоит из высказываний самого поэта – это ты найдешь преимущественно в дифирамбах; а в эпической поэзии и во многих других видах – оба эти приема...» [Платон 1994:394]. Можно сказать, что «высказывание самого поэта» Платон относит к маническому творчеству, когда через знание имени познается и сама вещь. Если говорить об эпическом стиле как литературном феномене, следует заметить, что в целом ранний эпический стиль можно назвать строгим, в отличие от более позднего свободного или смешанного стиля. В поэмах Гомера присутствуют признаки как первого, так и второго стиля, поэтому следует проанализировать детально оба стиля.

А.Ф. Лосев пишет о том, что Гомер «отражает не просто общинно-родовую формацию, и потому его художественный стиль не просто эпический и не только строгий эпический стиль» [Лосев]. Исследователь отмечает, что всякий стиль находится в процессе становления, то есть, «не существует никакого эпоса, ни строгого, ни свободного, как и вообще никакого стиля, если принимать эти понятия как неподвижные метафизические категории» [Лосев]. Конечно, обозначая некий общий принцип, наука обязательно дает ему определение, выводит отвлеченную и часто неподвижную формулу, что уже ошибочно, так как «всякая формула является только принципом для бесконечного ряда явлений, то приближающихся к этой формуле, то удаляющихся от нее» [Лосев]. Таким образом, строгий эпический стиль «бесконечно разнообразными путями и часто едва уловимыми сдвигами переливается у Гомера в так называемый свободный или смешанный стиль, так что тут даже и не два стиля, а скорее неопределенное множество разного рода стилей, размещающихся между этими двумя указанными предельными точками» [Лосев]. Художественному стилю, как многим другим явлениям в теории

литературы, присуща жизнь и движение, иначе он перестает развиваться и даже существовать как наличный факт художественного целого. Анализируя отдельные принципы стиля поэм Гомера, стоит везде помнить о живом переплетении строгого и свободного эпического стиля. Основной чертой раннего стиля принято считать объективность, хотя мы знаем, что современный эпический стиль также стремится к отображению объективной картины мира. Отличие заключается в том, что эпический стиль в романе глубоко входит в психологию действующих лиц, останавливаясь на деталях и мелочах, которые помогают открыть целое видение жизни.

Для строгого эпического стиля не имеют такого значения личные взгляды и оценки автора, а важно только то, что происходило в модусе «абсолютного прошлого» (по М.М. Бахтину). Так все изображаемое в гомеровском эпосе трактуется как объективная реальность, в которой не остается места для фантастического, вымышленного самим поэтом. Невозмутимый повествовательный тон характерен для того, кто *кажет* быль, а не опирается на мифический сюжет. До тех пор, пока поэт осознает истинность своего повествования, его рассказ нельзя назвать подражанием, искусством, так как это и есть одержимость, исступление, мания. Но рассказ становится подражанием, когда поэт *представляет* богов и героев, то есть, он выходит таким образом «из сферы изначального тождества священного и творческого в сферу автономного по отношению к священному творческого ... поэт перестает быть “существом священным”, при этом перестает таковым быть и слово поэта» [Домащенко 2007:213].

Следующее, о чем необходимо сказать – «вещественное» изображение жизни. Это не значит, что посредством неких вещей художник открывает свое отношение к герою или расширяет благодаря детали свое видение целого мира. Вещь не является знаком, символом,

никак не связана с внутренним миром автора или героя; о переживаниях героев эпоса мы можем только догадываться, просто преимущественно внимание художника сосредоточено на внешнем, а не на внутреннем мире, внешнее и внутреннее пока никак не связаны. Материальный мир с его деталями – это все, что нужно автору поэмы, обилие деталей никак не влияет на объективность изображения действительности. В изображении мира и вещей превалирует канон, традиционность, которая сопровождает строгий эпический стиль, порождает объективный подход к действительности и стремится проникнуть вглубь явлений жизни, открыв ее закономерности. Эпический художник чаще всего обращен в прошлое. Настоящее тоже апеллирует к прошлому, к тому, что уже признано, и благодаря этому все в эпическом мире устойчиво, постоянно и фактически неизменно в будущем. Канон и традиционность есть обязательное условие существования народного героического эпоса; традиционность и делает стиль *эпическим* в собственном смысле этого слова. М.М. Бахтин пишет: *«Эпопея никогда не была поэмой о настоящем, о своем времени (став только для потомков поэмой о прошлом). Эпопея как известный нам определенный жанр с самого начала была поэмой о прошлом, а имманентная эпопее и конститутивная для нее авторская установка (то есть установка произносителя эпического слова) есть установка человека, говорящего о недостижимом для него прошлом, благоговейная установка потомка»* [Бахтин 2000:204]. Эпическое слово, таким образом, по своему стилю, тону и характеру бесконечно отлично от слова романного, обращенного к современности. Это происходит потому, что мир эпопеи находится на недостижимом «ценностно-временном уровне»; он отделен от настоящего эпической дистанцией (по М.М. Бахтину), и, следовательно, между настоящим и эпическим лежит национальное предание, а это – героическое эпическое время. То есть, одним из наиболее важных, решающих признаков строго эпического стиля является героизм,

героический характер содержания эпопеи как жанра: *«Эпос показывает, кого народ считает героем и за какие заслуги ... содержанием эпоса всегда является борьба и победа ... борьба ведется не за узкие, мелкие цели, не за личную судьбу, не за частное благополучие героя, а за самые высокие идеалы народа ... Борьба носит не личный, а общенародный и общегосударственный, а в более поздние исторические эпохи и ярко выраженный классовый характер»* [Пропп 1958:5-6]. Героическое содержание как признак строго эпического стиля является решающим только в соединении с другими признаками эпоса. Так эпический герой, личные устремления и взгляды которого всегда связаны с общенародными, наделен определенными свойствами, но лишен эгоистических черт. Внутренне и внешне он един с общенародной жизнью и общенародным идеалом, что и делает его героем монументального эпоса. Монументальность связана с обстоятельностью и деловитостью эпоса, с его степенностью, широким охватом действительности, с возвышенностью, грандиозностью: *«Эта деловитость и обстоятельность ... была возможна только благодаря любовному вниканию во всякие мельчайшие подробности. И это, конечно, одна из самых существенных сторон эпического стиля, потому что отсутствие интереса ко внутренним переживаниям личности с необходимостью приводило к бесконечно внимательной и бесконечно обстоятельной фиксации всего внешнего, все равно, существенно оно было или несущественно»* [Лосев]. Общему монументальному стилю вполне соответствовала и метрика. Поэмы Гомера написаны гекзаметром, который отличается торжественностью, медлительностью и ласкает слух древнего грека.

Со временем монументальность не вырождается, а переходит в уравновешенное спокойствие, противопоставляемое обычно лирической взволнованности. Эпический художник в эпопее не позволяет себе

капризов, все события для него широкомасштабны, бесконечны, вечны, и потому лишены субъективной оценки. Отношение к жизни у эпического поэта не безразлично, а созерцательно; он мудро постигает жизненные законы, смерть, и новое рождение жизни, все это извечное вековое движение. Современный эпический стиль более эмоционален, субъективен; он говорит не по преданию, а уже с индивидуально-личной точки зрения, стремясь сохранить спокойствие и объективность. Мир эпопеи в этом смысле завершен сплошь и до конца и как реальное событие прошлого, и ценностно: *«Эпический мир можно только благоговейно принимать, но к нему нельзя прикасаться, он вне района изменяющей и переосмысливающей человеческой активности»* [Бахтин 2000:208]. Отметим живописность и пластический характер художественных образов в эпосе. Живописность и пластичность – универсальный критерий для жизни и красоты. Однако как считает А.Ф. Лосев, *«у Гомера отнюдь не все пластично, как это думает большинство критиков»* [Лосев]. Дело в том, что проблема пластического у Гомера оказывается чрезвычайно сложной, так как здесь отражается многовековая эволюция человеческого мышления и восприятия, *«начиная от полного неумения изобразить трехмерное пространство и кончая самой настоящей пластикой и скульптурой изображения»* [Лосев]. В целом же, живописать словом, создавать картины потребность многих эпических художников, и дело не только в красках и цвете, а в самом видении окружающего мира.

Итак, строгий эпический стиль объективен, отличается пластичностью, традиционностью, монументальностью, героическим содержанием; как правило, он отражает абсолютные вечные ценности общенародной жизни, поднимаясь на ценностный уровень прошлого и приобретая в нем свою завершенность. Для сохранения единства стиля, его каноничной строгости, требовалось величайшее поэтическое искусство. Поэмы Гомера, как отмечал А.Ф. Лосев, представляют уникальное целое, в

котором уже проявляются черты и особенности смешанного стиля. «Илиада» и «Одиссея» в целом классические примеры героического эпоса, но этим поэмам свойственны характеристики иных жанров. В гомеровском эпосе есть элементы романа, однако сразу стоит указать на генетическую связь романа с драматургической поэзией. По замечанию А.В. Домашенко, это связь с изначальной миметической поэзией, *«так что и поэмы Гомера в известном смысле представляют собой трагедии»* [Домашенко 2007:210]. Ф. Шлегель пишет об этом следующее: *«... Противоположность между драмой и романом оказывается настолько незначительной, что драма в глубокой и исторической трактовке ее... составляет подлинную основу романа»* [Шлегель 1983:404].

Если говорить о конкретных проявлениях жанра романа, то это повествование о бытовых явлениях, которые выходят за рамки абсолютного и героического в эпопеи. Так в рассказе о поисках Телемахом своего отца, во II-IV песнях «Одиссеи», можно усмотреть элементы приключенческого романа. Во второй части поэмы «Одиссея», начиная с XIII песни, есть элементы другой жанровой разновидности – романа семейного. Как уже отмечалось выше, поэмы Гомера, названные «трагедиями», содержат элементы и подлинной трагедии, и комедии со всеми свойственными им драматическими конфликтами. Во-первых, трагичны судьбы почти всех основных героев в поэмах «Одиссея» и «Илиада» (трагична обреченность на гибель Ахилла, смерть Патрокла, драматичны судьбы Гектора и Одиссея). Поэмы Гомера трагичны в том смысле, что неизбежно и катастрофично развитие действия, вызываемое высшими силами. Драматичен конфликт личностей у Гомера, и часто из эпического этот конфликт переходит в драматический. Грандиозна и фигура Гомера, мы не говорим об «авторе-творце», но нельзя не отметить, что с одной стороны, Гомер беспристрастный эпический сказитель, певец,

придерживающийся эпического канона, а с другой – он демиург, который самостоятельно создает романские узоры в объективном эпическом повествовании. Несомненно, что гомеровский эпос содержит много лирических мест, и лиризмом пронизаны обе его поэмы (например, в «Илиаде» сцена прощания Гектора перед страшным боем с возлюбленной супругой Андромахой; расставание души с телом Гектора; описание страстной любви к жизни и гибель Патрокла).

Помимо трагического есть у Гомера место и для комического начала (например, в «Одиссее» сцена драки Одиссея с нищим Иром на пороге дворца, где пируют женихи; комизм, переходящий в бурлеск в «Илиаде», где изображается супружеская ревность Геры, когда Зевс хочет побить свою супругу, а Гефест пытается рассмешить богов шутками; юмористично подается раненная смертным Диомедом богиня Афродита в «Илиаде»). Заметны как иронические, так и сатирические мотивы в гомеровских поэмах. Ирония проявляется в том, что вопреки грандиозным ожиданиям иногда надежды героя обмануты. Так Ахилл уверен в своей победе над Троей, однако уже за пределами «Илиады» ему уготована смерть еще до падения врагов. Гектор в «Илиаде» также уверен в своих победах над ахейскими героями, но погибает от руки Ахилла. Как утверждает М.М. Бахтин, именно смех и многоязычие важнейшие факторы для возникновения романного слова: *«... смех уничтожает эпическую и вообще всякую иерархическую – ценностно-удаляющую – дистанцию ... Смех – существенный фактор в создании той предпосылки бесстрашия, без которой невозможно реалистическое постижение мира»* [Бахтин 2000:214].

М.М. Бахтин считал, что эпический мир знает один-единственный и единственный готовый язык, а романский мир диалогичен, а точнее многоголосен, полифоничен. Многоязычие и смех влияют на героя, ведь эпический и трагический герой – *«ничто вне своей судьбы и*

обусловленного ею сюжета; он не может стать героем иной судьбы, иного сюжета» [Бахтин 2000:227]. В «случайной» же романной действительности эпическая цельность человека распадается, «появляется существенный разрыв между внешним и внутренним человеком ... распадение эпической (и трагической) цельности человека в романе в то же время сочетается с подготовкой новой сложной целостности его на более высокой ступени человеческого развития» [Бахтин 2000:229].

А.В. Домашенко связывает генезис романного слова с переходом от мимической поэзии к миметической: *«Именно этот переход является необходимым условием возникновения романного слова с его важнейшей отличительной особенностью – “стилистической трехмерностью”» [Домашенко 2007:210].* В поэмах Гомера мы видим единство художественного стиля, но благодаря трагизму, комизму, иронии можно говорить о свободных приемах творчества, которые эпический монолитный строгий стиль не допускает. Стилистическими оттенками наполнен стиль Гомера, хотя, несмотря на «смешанность», он представляет собой единое целое. Существует определенное различие между непосредственным сюжетом гомеровских поэм и поэтическими и жизненными оценками этого сюжета, которые дает творец. Гомер не только прославляет героев, но он обращен и к обычным труженикам, несущим тяготы жизни. Объектом художественной действительности у Гомера являются боги и судьба, которые активно влияют на жизнь человека, а порой и на его выбор, решения, поступки, настроения, чувства. Веление божества можно расценивать как нечто заданное извне, а порой – это результат собственного глубокого внутреннего решения героя. То есть герои Гомера (Агамемнон, Ахилл, Менелай) обладают собственной волей, они способны бороться за проявление своей воли и возражать богам. В поэмах Гомера фатализм и рок довольно таки свободно сочетаются с человеческой свободой. Все это является свидетельством того, что

гомеровский эпос уже можно относить к временам восходящей греческой демократии и цивилизации.

Таким образом, гомеровский эпос отличается строгостью и традиционностью, но архаичность сочетает у него с «модернизацией». Эпический стиль содержит в себе жизненное восприятие действительности, которое было органически свойственно Гомеру. Исконные формы эпической поэзии наполнены у Гомера живой жизнью, психологией, что является отражением нового развивающегося свободного эпического стиля. Строгие поэтические формы начинают звучать по-иному, наполняясь новым содержанием. И строгий эпический стиль слит со смешанным эпическим стилем у Гомера в единое и нераздельное целое.

Стоит отметить, что воздействие гомеровского строго и смешанного эпического стиля на мировую литературу и культуру огромно и бесспорно. Гекзаметр стал каноническим размером для всей античной эпической традиции. За Гомером открыто следовал Вергилий в своей «Энеиде», гомеровские образы варьировали Катулл, Гораций, Овидий. Авторы средневековых рыцарских романов и поэм вдохновлялись поэзией Гомера, создавая новые варианты сказаний о Троянской войне. В эпоху Возрождения Гомер становится образцом для выдающихся творцов национальных эпосов (например, «Лузиады» Л. Де Камонса (1569), «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо (1575)). Велико значение Гомера как для зарубежной, так и для русской поэзии и прозы. Эпический стиль вдохновлял Н.В. Гоголя своей монументальностью, грандиозна по замыслу поэма «Мертвые души», а эпические сцены в «Тарасе Бульбе» напоминают воинские поединки из гомеровской «Илиады». Из «гоголевской шинели», в чем-то продолжая его и создавая новое, выходит ряд выдающихся русских писателей. Эпическим мышлением,приятием мира как целостности, объективностью и спокойствием отличается стиль произведений И.А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»).

Л.Н. Толстой явно учитывал опыт Гомера в своем творчестве при создании «Севастопольских рассказов», «Казачков», романа «Война и мир». Любопытно и творчество Ф.М. Достоевского, у которого превалирует смешанный эпический стиль, углубляется драматизм и трагическая составляющая. Его полифонические романы нельзя назвать комической эпопеей, как «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Реализм Ф.М. Достоевского одновременно и мистический, и глубокий, и проникновенный. А эпическое мировосприятие эволюционирует у Ф.М. Достоевского в жанре полифонического романа.

Строгий эпический стиль развивается, изменяется, это отражается на жанре и на стиле, который, оставаясь эпическим, приобретает новую, смешанную форму. Так уже в XIX веке возможно появление лирико-драматической эпопеи («Евгений Онегин» А.С. Пушкина), трагической эпопеи («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова), комической эпопеи («Мертвые души» Н.В. Гоголя). Все эти разновидности эпических жанров находят свое воплощение в дальнейшем развитии русского реалистического романа у И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин 2000 – Бахтин М. М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 304 с.

Домашенко 2007 – Домашенко А. В. Об интерпретации и толковании : монография / А.В. Домашенко. – Донецк : ДонНУ, 2007. – 277 с.

Лосев – Лосев Ф. А. Гомер [Электронный ресурс] / А.Ф. Лосев. – Режим доступа : <http://annales.info/greece/losev/homer02.htm>.

Платон 1994 – Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч.

А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1990–1994. – Т.3. – 1994. – 654 с.

Пропп 1958 – Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – М. : Государственное издательство худож. лит., 1958. – 604 с.

Шлегель 1983 – Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. / пер. Ю. Н. Попова. – М. : Искусство, 1983. – Т.1. – 1983. – 479 с.